

SCHRIFTEN
ZUR GESCHICHTE UND KULTUR 5
DES ALTEN ORIENTS

AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN
DER DDR
ZENTRALINSTITUT
FÜR ALTE GESCHICHTE
UND ARCHÄOLOGIE

SPRACHE, GESCHICHTE
UND KULTUR
DER ALTAISCHEN VÖLKER

*Protokollband der XII. Tagung
der Permanent International Altaistic Conference
1969 in Berlin*

Herausgegeben von
GEORG HAZAI und PETER ZIEME

AKADEMIE-VERLAG · BERLIN
1974

Redaktion: Friedmar Geißler

Erschienen im Akademie-Verlag, 108 Berlin, Leipziger Straße 3-4

Copyright 1974 by Akademie-Verlag, Berlin

Lizenznummer: 202 · 100/262/74

Gesamtherstellung: IV/2/14 VEB Druckerei „Gottfried Wilhelm Leibniz“, 445 Gräfenhainichen/DDR · 3921

Bestellnummer: 751 964 3 (2146/5) · LSV 0875

Printed in GDR

EVP 135,-

Zum Geleit

Der vorliegende Band enthält die Vorträge der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference, die im Sommer 1969 in Berlin stattfand. Die Permanent International Altaistic Conference dankt dem Veranstalter der Tagung, dem Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR, nicht nur für die Durchführung der Tagung, sondern auch dafür, daß dieser Protokollband in seine Veröffentlichungsreihe aufgenommen wurde.

Georg Hazai

Inhaltsverzeichnis

I. Tagungsakten, Grußansprachen und Beschlüsse	9
<i>G. Hazai</i> : Eröffnungsrede (29. 8. 1969)	15
<i>F. Hintze</i> : Grußansprache auf der Eröffnungssitzung der Tagung (29. 8. 1969)	16
<i>W. Hartke</i> : Grußansprache auf dem Empfang des Präsidenten der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin zu Ehren der Teilnehmer der XII. PIAC (1. 9. 1969)	17
<i>D. Sinor</i> : Rede auf der Schlußsitzung der Tagung (2. 9. 1969)	19
Bericht über das „Business-Meeting“ der XII. PIAC (1. 9. 1969)	21
II. Vorträge auf den Plenarsitzungen	23
Vorträge zur Eröffnung der Tagung (29. 8. 1969)	24
<i>H. F. J. Junker</i> : 20 Jahre Altaistik in der DDR	25
<i>D. Sinor</i> : Stand und Aufgaben der internationalen altaistischen Forschung	35
Vorträge zum Gedenken an den hundertsten Geburtstag von W. Bang-Kaup, gehalten auf der Festsitzung der Tagung am 30. 8. 1969	45
<i>A. N. Kononov</i> : W. Bang-Kaup (9. 8. 1869—8. 10. 1934). Zum hundertsten Geburtstag	47
<i>A. v. Gabain</i> : Persönliche Erinnerungen an W. Bang-Kaup	51
III. Vorträge auf den Sektionssitzungen	57
<i>A. З. Абдуллаев</i> : Развитие направительного падежа в тюркских языках	59
<i>A. С. Аманжолов</i> : «Шумеро»-тюркские соответствия и изобразительные логограммы	65
<i>С. Атамурзаева</i> : К вопросу о происхождении умлаута в тюркских языках	73
<i>У. Ш. Байчүра</i> : О слоговой структуре слова в алтайских языках сравнительно с уральскими и индоевропейскими по статистическим и инструментальным данным	77
<i>H. A. Баскаков</i> : Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков	89
<i>L. Bazin</i> : Les interdits de vocabulaire et la comparaison turco-mongole	97
<i>T. A. Бертагаев</i> : Культурные значения корневого слова <i>ut</i> и его производные	105
<i>L. Bese</i> : On Mongolian <i>-γsan/-gsen</i> “nomen perfecti”	115
<i>H. Bıçarı</i> : Dünya edebiyatı haznesinde yeni bir şaheser	119
<i>J. Blaškovič</i> : Das Osmanisch-Türkische im 17. Jahrhundert im Donauraum	125
<i>P. N. Boratav</i> : Sur Nasreddin Hoca et son pays d'origine, Sivrihisar	139
<i>J. A. Boyle</i> : The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei	145
<i>B. Brentjes</i> : Zur Westtrift ost- und zentralasiatischer Motive in skythischer Zeit	153
(18 Abb. auf Tafel 1—8)	

<i>S. Buluç</i> : Über einige Konjugationsformen in den anatolischen Mundarten	161
<i>П. Хорлоо</i> : Халхаский народный эпос и его особенности	165
<i>В. И. Цицикус</i> : Алтайские термины родства и проблема их этимологии	169
<i>T. Daschzeden</i> : Einige Beispiele für den indefiniten und definiten Numerus der Substantive in der modernen mongolischen Sprache	175
<i>Л. В. Дмитриева</i> : Некоторые семантические модели названий растений в алтайских языках (Модели названий ветвей)	187
<i>E. Esin</i> : L'arme zoomorphe du guerrier turc (Étude iconographique)	193
(49 Abb. auf Tafel 9—26)	
<i>A. G. Eyzazov</i> : Sifatin türkolojideki tetkikinin tarihine dair	219
<i>Э. Фазылов</i> : Староузбекский язык (Ранний период)	227
<i>Р. Фиш</i> : Несколько мыслей о поэзии Назыма Хикмета	233
<i>A. v. Gabain</i> : Die Qoço-Uiguren und die nationalen Minderheiten	241
(6 Abb. auf Tafel 27—30)	
<i>Н. Э. Гаджиева</i> : Два источника происхождения условного периода в тюркских языках	251
<i>T. M. Garipov</i> : „Turco-slavica“ in Baschkirien	257
<i>E. P. Hamp</i> : Greek <i>τέλι</i> , Albanian <i>tel</i>	263
<i>G. Hazai</i> : Zu einer Stelle der Tonyukuk-Inschrift	265
<i>J. Ikegami</i> : Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen	271
<i>S. Kakuk</i> : Die osmanisch-türkischen Elemente der ungarischen Sprache als Denkmäler der osmanisch-türkischen Sprache	273
<i>H. Kaleshi</i> : Der Einfluß des Türkischen auf die Wortbildung des Albanischen	279
<i>G. Kara</i> : On a Lost Mongol Book and Its Uigur Version	287
<i>A. Karahan</i> : Les caractéristiques essentiels de la littérature de l'époque des Karahanides et «Kitadgu Bilig»	291
<i>C. K. Kenesbaev</i> : К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности (на материале некоторых грамматических явлений казахского языка)	297
<i>S. Kleinmichel</i> : Beitrag zur Geschichte der Nomenverbindungen im Osmanisch-Türkischen (Izafet)	307
<i>M. Klimburg</i> : Die Entwicklung des 2. indo-iranischen Stils von Kutscha	317
(20 Abb. auf Tafel 31—43)	
<i>В. Д. Колесникова</i> : О названиях частей тела в алтайских языках	327
<i>О. А. Константинова</i> : К характеристике лексического комплекса очаг-жилище-народ в основных алтайских языках	333
<i>Z. Korkmaz</i> : Die Frage des Verhältnisses der anatolischen Mundarten zu ihrer ethnischen Struktur	341
<i>И. В. Кормушин</i> : Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков	353
<i>K. Kostov</i> : Lehnwörter zigeunerischen Ursprungs im türkischen Argot	357
<i>E. Lot-Falck</i> : Le principe de l' <i>ilbis</i> et ses rapports avec la fureur meurtrière et le chamanisme	363
<i>C. Лувсанвандан</i> : О ближайших задачах и перспективах изучения монгольской литературы	375
<i>Ф. В. Мальков</i> : Тюркские элементы в лексике корейского языка	383
<i>I. Mándoky</i> : Der Wandel zweier Konsonanten in der ungarländischen komanischen Sprache	391
<i>Г. П. Мельников</i> : Строй алтайских языков как система	397
<i>I. Meyer</i> : Der mittelanatolische Dialekt von Sivas	405
<i>P. Mijatev</i> : Der heutige Stand der Altaistik in Bulgarien	413
<i>R. Mollou</i> : Utopies sociales dans la littérature turque moyenâgeuse	419
<i>Ш. Ф. Мухамедьяров</i> : Древнейшие этнические связи народов Поволжья с Западной Сибирью	427

<i>З. Б. Мухамедова:</i> Огузско-туркменские этно-топонимы	439
<i>Н. Ц. Мункуев:</i> Монгольские документы из Хара-хото	447
<i>К. М. Мусаев:</i> Термины родства в современных западно-кыпчакских тюркских языках	451
<i>Б. О. Орузбаева:</i> О киргизских и монгольских лексических параллелях по топонимике	459
<i>Л. А. Покровская:</i> Об устойчивости семантической группы слов, обозначающих родственные отношения в тюркских языках	465
<i>P. Ratchnevsky:</i> Die Yasa (Jasaq) Činggis-khans und ihre Problematik	471
<i>U. Rättig:</i> Einige Bemerkungen zu den Schulen in der Zeit der Autonomie der Mongolei (1911—1920)	489
<i>B. Rintschen:</i> Die Seele in den schamanistischen Vorstellungen der Mongolen	497
<i>A. Róna-Tas:</i> Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen?	499
<i>G. D. Sanžeev:</i> Zur Frage des sogenannten Rhotazismus und Lambdazismus in den altaischen Sprachen	505
<i>E. К. Саркисян:</i> К вопросу о вступлении османской империи в первую мировую войну на стороне центральных держав	511
<i>Н. П. Шастина:</i> Монголоведение в СССР	521
<i>М. С. Сильченко:</i> О типологическом изучении творчества поэтов-просветителей тюркоязычных народов	529
<i>Н. С. Смирнова:</i> Алтайские и казахские версии эпоса «Козы-Корпеш» (Опыт сопоставительного рассмотрения)	537
<i>И. В. Стеблева:</i> К вопросу о развитии тюркских поэтических форм в XI веке	545
<i>О. П. Суник:</i> К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках	553
<i>М. Tatár:</i> Zum Kult des Obo	569
<i>И. Т. Татарлы:</i> СабахаттинАли и западная литература	573
<i>E. Taube:</i> Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Čengel-sum	589
<i>T. Tekin:</i> On the Alternation <i>l ~ s</i> in Turkic and Mongolian	609
<i>S. Tezcan:</i> Zum Stand der Chaladsch-Forschung	613
<i>Th. Thilo:</i> Bemerkungen zum Innerasienbild der klassischen chinesischen Dichtung	621
<i>E. Tryjarski:</i> Zur neueren Geschichte des Ongin-Denkmal (1 Abb. auf Tafel 45)	629
<i>A. С. Тверитчинова:</i> Два списка канун-наме султана Селима I из советских рукописных коллекций	631
<i>K. Uray-Köhalmi:</i> Die Bedeutung der Kulturgeschichte des Karpatenbeckens für die Erforschung der Kultur der zentralasiatischen Reiternomaden (22 Abb. auf Tafel 47—49)	637
<i>М. S. Zakiev:</i> Voraltaische syntaktische Modelle	645
<i>Ф. P. Зейналов:</i> Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках	651
<i>P. Zieme:</i> Zu den nestorianisch-türkischen Turfantexten (5 Abb. auf Tafel 51—54)	661

Л. В. ДМИТРИЕВА

Некоторые семантические модели названий растений в алтайских языках

(Модели названий ветвей)

Данное сообщение представляет собой лишь частный вопрос большой выполняемой мною в секторе алтайских языков темы «Названия растений в алтайских языках». Источниками материала для выполнения этой темы и, следовательно, данного сообщения явились русско-национальные и национально-русские словари, ботанические и другие специальные старые и новые словари, справочники и работы, содержащие сведения по интересующей меня лексике, диалектные данные, известные публикации старых памятников с глоссариями, исторические, сравнительные и этимологические словари и т. п.

Число видов названий, относящихся к анатомии деревьев и кустарников, куда входят и рассматриваемые в данном сообщении названия ветвей, преобладает в тюркских языках над тунгусо-маньчжурскими и особенно монгольскими. При этом в тюркских языках преобладают заимствованные из неалтайских языков названия, составляя около $\frac{1}{2}$ всех видов наименований деревьев и кустарников, тогда как в тунгусо-маньчжурских и монгольских заимствования в данной области составляют примерно $\frac{1}{5}$.

Для тюркских языков преобладают заимствования из иранских (названия ветви, дерева, жёлудя, коры, корня, косточки плода, куста, леса, листа, лыка, ореха, плода, почки, рощи, сережки, ствола, цветка, черенка) языков, реже – русского (орех, почка, роща, древесный сок, ствол, цветок) и, единично, – греческого (через русский – жёлудь, плод) языков; для тунгусо-маньчжурских есть единичные заимствования из русского (жёлудь, плод, цветок) для монгольских – из иранских (почка, сережка, цветок) и тибетского (орех) языков.

Общие для всех алтайских языков названия составляют примерно $\frac{1}{10}$ всех видов наименований, относящихся к анатомии деревьев и кустарников. Это названия дерева, листа, ствола, цветка. Например, дерево – в якутском *мас* (< *ма* + *с*?), в монгольских *modu(n)* [< *то* + *-du(n)*], в тунгусо-маньчжурских *мб*; лист – в тюркских *йапырақ* ~ *йапрақ* ~ *йарпау* и т. д., в монгольских *навсін*, в тунгусо-маньчжурских *напчи* (где рассматривается как заимствование из монгольских. Н. Н. Поппе считает, что всюду здесь один корень: *йапырақ* < *йапыр* < *йап* + афф. *-ыр*, *йапрақ* < *йап*-, *навсін* < *нав*-, *напчи* < *нап*-. Корень этот

означает нечто плоское¹); ствол – в тюркских (кумыкском) *бойу* ~ *бой* (< *бой* «рост, высота», ср. в иранских языках *пай* «нога; ступня»), в монгольских (бурятском) *бэе*, в тунгусо-маньчжурских (нанайском) *мб бэени* («дерево + корпус его»); цветок – в тюркских *чичэк*, в монгольских *сёсөг*, в тунгусо-маньчжурских *чэчэк* (в монгольских рассматривается как заимствование из тюркских, а в тунгусо-маньчжурских – заимствование из монгольских). Названия, общие для тюркской и монгольской групп, составляют около $\frac{1}{5}$. Сюда относятся обозначения леса, плода, почки, ствола, цветка, ягоды. Общие для тюркской и тунгусо-маньчжурской групп – примерно $\frac{1}{6}$ (ветка, куст, плод, цветок), для монгольской и тунгусо-маньчжурской групп – около $\frac{1}{9}$ (ветка, корень, лист).

Для сравнения приведем данные по названиям деревьев и кустарников вообще (не только по названиям, относящимся к их анатомии!). Для тюркских языков здесь наиболее часты заимствования из иранских языков (названия барбариса, бересклета, вербы, вишни и др.), а также русского языка (названия брусники, бузины и др.), реже – из санскрита (гранат, сандал, сосна), арабского (альча, апельсин, барбарис), единично – польского (тисс), марийского (сосна), грузинского (самшит), китайского (акация). Русский язык является посредником заимствований из французского (акация, магнолия и др.), итальянского (апельсин и др.), греческого (вишня, каштан, кедр, лавр и др.), латинского (гранат, лавр и др.), польского (тисс) и др. Для тунгусо-маньчжурских языков – редко заимствования из русского (бузина, верба) и китайского (маньчжурский язык – яблоко, айва, жасмин, фишашка), для монгольских – редко из русского (липа, бузина), иранских (персик, жасмин), тибетского языков.

Общих названий в алтайских языках для деревьев и кустарников, не связанных с заимствованием из неалтайских языков, очень мало. Это названия боярышника, лиственницы (?), можжевельника, саксаула, яблока. Выясняется, что для боярышника, можжевельника, яблока общие алтайские названия имеют созвучные параллели в иранских языках и в санскрите: боярышник – в тюркских языках *дунала* ~ *долана* и т. д., в монгольских *doluγan-a* ~ *дологино* и т. д., в тунгусо-маньчжурских *долгино* (в эвенкийском, где рассматривается как заимствование из монгольских языков, а в тюркских языках – как заимствование из иранских языков); можжевельник – в тюркских *ардыч* ~ *арча* и т. д., в монгольских *арча*, в тунгусо-маньчжурских *арча*, в иранских языках *aris* в том же значении;² яблоко – в тюркских *алма*, в монгольских *алима* в тунгусо-маньчжурских *алим* (где рассматривается как заимствование из тюркских через монгольские языки), в санскрите

¹ N. Poppe, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen I: Vergleichende Lautlehre*, Wiesbaden 1960, 34.

² Н. Hübschmann, *Persische Studien*, Leipzig 1895, 12; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка I*, Москва 1964, 88.

atla «кислый» (Мункачи).³ Общие названия для лиственницы и саксаула пока на почве других (неалтайских) языков объяснений не находят: лиственница – в тюркских (казахском) *самырсын*, в монгольских *šinesün* ~ *шинэ(эн)* и др., в тунгусо-маньчжурских (эвенкийском) *чинэһун* (где рассматривается как заимствование из монгольских языков). Судя по монгольскому собирательному аффиксу *-сын/-син*, можно считать казахское *самырсын* из монгольских языков; саксаул – в тюркских *саксаул*, в монгольских *зау* ~ *сагсаул*, в тунгусо-маньчжурских *зак*.

Вместе с тем, численно больше общих названий для тюркской и монгольской групп (абрикосовое дерево, айва, анчар, барбарис, вереск, ветла, виноград, гранат, ежевика, жасмин, ива, инжир, кедр, кизил, лавр, лещина, лиственница, магнолия, мимоза, облепиха, олива, персиковое дерево, платан, роза, рябина, самшит, сирень, слива, сосна, тисс, тополь, тутовник, фисташковое дерево, черемуха, черника, эвкалипт), меньше – для монгольской и тунгусо-маньчжурской групп (абрикосовое дерево, акация, брусника, бузина, вишня, вяз, ива, ильм, инжир, осина, персиковое дерево, тальник, тополь) и еще меньше – для тюркской и тунгусо-маньчжурской групп (багульник, боярышник, вяз, ель, кедр, можжевельник, черемуха).

Названия деревьев и кустарников и названия, относящиеся к их анатомии, образуются в тюркских языках двумя путями: присоединением к основам (именным и глагольным) различных аффиксов и словосочетанием. Аффиксы могут быть самые разнообразные, но, естественно, подбор их в каждом конкретном случае определяется смыслом: например, афф. *-лык* присоединяется там, где необходимо передать идею собирательности, места скопления (*ауач* «дерево» + афф. *-лык* = *ауачлык* «лес»; афф. *-(а/у* и т. п.)*к* образует имена разного значения (*қуз* ~ *қоз* «орех» + афф. *-уқ* = *қузуқ/қозуқ* «орех»; *саб-* «рассыпать, разбрасывать» + афф. *-ақ* = *сабақ* «ветка») и т. п. В качестве словообразовательных аффиксов для названий деревьев и кустарников и названий, относящихся к их анатомии, употребляются: *-(а)қ*, *-лақ*, *-т*, *-уач/-уыч*, *-(ы)л*, *-гәс*, *-лык*, *-уы*, *-миш*, *-чуу/-чақ*, *-кән/-кјн*, *-уана/-ана*, *-м*, *-ча*, *-(ы)н*, *-(а)н*, *-й*, *-уақ*, *-уанақ*, *-лыуан*, *-уай*, *-а*, *-зақ*, *-пас*; заимствованные из иранских языков аффиксы: *-зор*, *-дар*.

Словосочетания: чаще из двух (*бөри қарақат* «волк + смородина» = «барбарис»), реже – из трех слов (*каутағасы кавиғи* «береза + дерево ее» + «кора его» = «береста»). В сочетаниях из двух слов первое может быть прилагательным (*сары ж,ууач* «желтое дерево» = «барбарис») и существительным. В последнем случае несколько чаще встречается оформление второго слова в словосочетании аффиксом принадлежности 3 л. единств. числа (*палыд уозасы* «дуб + шишка его» = «желудь», но *мен аш* «дуб + еда» = «желудь»). Встречаются случаи, когда и при

³ В журнале Keleti Szemle (Revue orientale) VI, 376.

прилагательных в первой части словосочетания вторая его часть оформлена аффиксом принадлежности 3 л. единств. числа (*кизил қуауы* «красный + куст его» = «кизил», *kızılçak ağacı* «красенький + дерево его» = «кизил», но *қызыл тал* «красная ива» = «кизил»). Вероятно оформление аффиксом принадлежности продиктовано смысловой стороной (особым – более тесным и конкретным видом принадлежности двух ранее самостоятельных компонентов словосочетания). И особенно это сказывается очевидно в последних случаях (*кизил қуауы*), когда делался особый акцент на эту принадлежность (то, что данный куст именно красный и только красный). Эти факты представляют интерес для истории языка, так как подобные словосочетания сложились исторически давно.

Подобными же двумя путями образовались названия деревьев и кустарников и названия, относящиеся к их анатомии, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Например, словообразовательные аффиксы: т.-м. *-кта* (*сёкта* «тальник, ива, верба»), *-γ* (*сектау* «заросли тальника, ивняк, заросли вербы»), *-мура* (*диктэмкура* «куст черники»); мо. *-сун* (*алирсун* «брусника», *үйсүн* «береза»). Словосочетания: мо. *-царсны самар* «дуба (в родит. падеже) орех» = «желудь», *улаан модо(н)* «красное дерево» = «тисс», *улааганын эиэ* «кислицы (в родит. падеже) стебель ее» = «смородина», *tori(n) xada(n)* «конь + кислица» = «крыжовник»; т.-м. *-кила улха* «с шипами цветок» = «шиповник», *чокчэнгэ тэвтэнгэн* «кулик + ягоды» = «клюква». Как видно из материалов, в тунгусо-маньчжурских языках образование названий деревьев и кустарников и названий, относящихся к их анатомии, путем словосочетаний – довольно редкое явление. В монгольских языках оно значительно чаще, но более распространенный способ словосочетания при двух именах существительных – оформление первого аффиксом родительного падежа. В целом же подробное освещение вопроса словообразования названий деревьев и кустарников и растений вообще в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках принадлежит специалистам по этим языкам.

Лексика названий растений вообще, как известно, отражает их реальные свойства и поэтому знание этих свойств является основой верной этимологизации названий растений.⁴ Необходимым условием для этого будет понимание значения и границ семантических микрополей, в которые входят названия растений. Это объясняется тем, что названия растений одного микрополя строятся по одной или нескольким постоянно повторяющимся для данного микрополя семантическим моделям.

В одно микрополе входят, как правило, растения разных ботанических видов, но объединяемых в народном сознании общностью мест

⁴ В. А. Меркулова, О некоторых принципах этимологии названий растений, – Сб. Этимология, Москва 1965, 72–87.

произрастания, внешним сходством, общностью использования. Характерная для данного микрополя семантическая модель или модели могут быть перенесены и в смежное или перекрещивающееся с данным микрополе. Однако, есть поля, которые никогда не перекрещиваются, а число и виды перекрещивающихся или смежных полей также ограничены.

Так как семантические модели типичны для ряда языков, то обнаружение или восстановление семантической модели или лежащего в ее основе этимологического признака возможно путем аналогии с другими языками, где данные семантические модели или этимологические признаки уже определены. Так, для нас превосходным источником в этом плане служат работы и статьи В. А. Меркуловой по русской народной номенклатуре растений. Правда, она рассматривает только такие разделы, как травы, грибы, ягоды.⁵

Большой интерес представляет характер семантических моделей названий, относящихся к анатомии растений вообще и деревьев и кустарников в частности. Среди последних интересны семантические модели названий ветвей в алтайских языках.

В русском и других славянских языках понятие «ветвь» связано с глаголом «вить», с которым связаны и названия деревьев «ветла», «ива». Аналогии этому М. Фасмер находит в древнепрусском, литовском, греческом и некоторых др. (Фасмер I, 306).

В алтайских языках удалось выявить целый ряд видов названий ветвей: 11 в тюркских, по 3 в монгольских и тунгусо-маньчжурских. Наиболее распространенные во всех этих трех группах языков наименования строятся по принципу внешнего подобия конечностям или частям конечностей человека и животного.

Таким образом, в тюркских языках понятие «нога» содержится в основе распространенного здесь названия ветвей – *будақ* (азерб., алт., тур.) ~ *бутақ* (казах., к.-балк., кирг., кумык., ног., др.-тюрк.) ~ *ботақ* (башк., тат.) ~ *бутоқ* (узб.) ~ *бутуқ/мутуқ* (як.) ~ *butıq* (др.-тюрк.) ~ *путақ* (к.-калп., уйг.) ~ *пудақ* (туркм.) ~ *бутақша* (казах.) ~ *путақша* (к.-калп.) < *бут* ~ *пут* «нога» + афф. *-ақ* ~ *-оқ* ~ *-уқ* ~ *-ық* и *-ша*. Следует заметить, что тюрк. *бут* ~ *пут* «нога», «бедро», «лапа», «ножка предмета». Помимо понятия «ветвь», значения «палец», «лапа», «когти» видимо лежат или лежали в названии *тармақ* (башк., тат.) ~ *тармоқ* (узб.), ср. як. *тарбах* «палец», др.-тюрк. *tarmaq* «лапа», «когти». Вероятно, что и понятие «палец» содержится в наименовании ветви *салаа* (як.) и видимо *dal* (тур., др.-тюрк.), ср. хак. *салаа* «палец». Понятия «рука», «передние ноги животного» лежат, кроме производного значения «ветвь», в названии *уол* (азерб.) ~ *қол* (тур.); понятия

⁵ В. А. Меркулова, Очерки по русской народной номенклатуре растений, Москва 1967.

«конечности», «рука», «исток реки» – в як. наименование *лабā*, которое имеет аналогии в эвенк. (*лава* ~ *лапара* «ветвистый»); понятие «сустав» возможно содержится в основе вероятно заимствованного из иранских языков названия *bandal* (др.-тюрк.) < ир. *банд* «связь», «сустав» + афф. -а.л.

В монгольских языках понятие «рука», «конечности», «член (тела)» находятся в основе названия ветви *тöсiр* (п.-мо.), *мөчир* (мо.) ~ *бүчр* (калм.) < *тöсө* ~ *тöсi* ~ *төс* ~ *мгс* «рука», «конечности», «член (тела)» + афф. -р. Понятие «член (тела)» содержится и в наименовании ветви – *gesigün*/*gesigüi* (п.-мо.) ~ *гишүгү/гишүгүн* (мо.) ~ *гэшүг(н)/гэшүгүһэ(н)* (бур.).

В маньчжурском языке слова *γаруа* ~ *γаруан*, наряду с понятием «ветвь», «сук», содержит понятия «конечности», «приток», «рукав (реки)». В остальных тунгусо-маньчжурских языках значение «ветвь», «сук» передается словом того же корня с праформой **гара*, а именно: эвенк., сол., ульч., орок., нан. *гара*, сол., эвен. *гар*, нег. *гаја* [< **гара*], ороч., уд. *гā* [< **гаја* < **гара*], ма. *γаруа* ~ *γаруан*, чж. *hāh-rh*. Заслуживает внимания, что в монгольских языках *γар* (п.-мо.) ~ *гар* (мо., бур.) означает «рука», «сторона», «фланг», «крыло (войска)» и соответствует тюрк. *қар* (казах.) ~ *қары* (алт., узб., уйг.) ~ *хары* (як.) «верхняя часть руки», «плечо» (в як. еще «предплечье», «локоть», «локтевая кость»).

Вторая группа названий ветвей в алтайских языках содержит понятия «ответвление», «разветвление», «отрасль». Так, в тюркских заимствованное из иранских языков название ветвей – *шах* (азерб., уйг.) ~ *шақа* (к.-калп.) ~ *шақ* (кирг.) ~ *шаха* (туркм.) ~ *шоҳ* (узб.) передает еще понятие «отрасль»; в тунгусо-маньчжурских языках наименование *аса* (сол.) означает также «разветвление», оно заимствовано из монгольских языков, где имеет только это значение.

Анализ семантических моделей дает возможность, таким образом, более углубленно подойти к выявлению лексических корней в алтайских языках.